

иллюстрируется прежде всего деяниями правителей и монархов — персидских, иудейских, египетских, греческих, римских, византийских, турецких и пр. Более того, предисловие Саделера без обиняков напоминало читателям, что деяния и современных властителей, «пожалуй, так же и даже подчас лучше, могли бы подойти к этим басням, нежели древние историки», и что только «по известным причинам» он брал все-таки древние, предоставляя новые применения находить каждому по его разумению.³

Множество прилогов связано с событиями политической и вооруженной борьбы с Востоком — походами Александра Македонского, римскими завоеваниями в Передней Азии и Северной Африке, крестовыми походами в Палестину, борьбой Византии и балканских государств с турками-османами, вплоть до нашествия турок на центральную Европу при Солимане Великолепном.

Рядом с внешнеполитической тематикой подняты вопросы и внутренней политики: проблемы взаимоотношений монарха и подданных, государственной власти, экономического и политического положения сословий, суда и социальной справедливости и др. В обстановке кануна Тридцатилетней войны нельзя не отметить и антигерманской направленности сборника (басня «Vom Indianischen und Teutschen Han»).

Таким образом, тематика «Театра нравов» близка была Виниусу уже по его государственной службе, а частью привлекала его и прежде, в его компилятивном «Избрании от святых, божественных и царственных книг памяти ради» (1667).⁴ Вместе с тем расхождения «Зрелища» с «Театром» столь значительны, что уверенная атрибуция их русскому переводчику и оценка его работы до обследования истории самого пражского сборника в его источниках⁵ или редакциях и перепечатках (если таковые существовали)⁶ преждевременны.

Возможность использования тут какого-то иного издания допускается не составом текстов (среди 134 басен «Зрелища» нет ни одной, которой не было бы в «Театре»), но совершенно несходным их размещением: в переводе Виниуса редко встретишь две басни рядом, последовательность которых совпадала бы и в издании Саделера. В 49 случаях отличаются также заглавия басен, осложненные в «Зрелище» либо упоминанием других участников фабульного конфликта, либо сюжетными характеристиками персонажей (ср.: «Vom Berr» — «О Медведе и Пчелах», № 107; «Vom Han» — «О Петеле, обретшем камень драгий», № 115, и т. п.). Но попадаются и непонятные превращения: «Vom Fuchs und Raben» — «О Попугае и Лисице» (№ 31); «Vom Raben und Scorpion» — «О Орле и Скорпии» (№ 58).

К неизбежным различиям должна была привести передача стихотворного немецкого текста книжно-славянской прозой; в результате повествовательно-фразовое развертывание фабул в «Зрелище» нередко подобно не переводу, а несколько более пространному, параллельному их пересказу.

³ Theatrum Morum... An den freundlicher Leser.

⁴ См.: Б. Федоров. Беседа русского старца с сыном своим. — Отечественные записки, ч. XVIII, кн. I, СПб., 1824, июнь, стр. 337—345.

⁵ В предисловии к «Театру нравов» сам Саделер уверял, что аналогичного издания, с подобными рисунками либо примерами, никогда прежде в свет не выходило. Однако, по ряду свидетельств, 124 из 140 гравюр «Театра» — зеркальные копии работ М. Герертца (Marcus Gheeraerts) из «De warachtighe fabulen der dieren» (Brugghe, 1567), что предполагает уже и какую-то сюжетную преемственность пражского сборника, обязывая к текстуальному сличению обоих изданий.

⁶ Так, в каталоге Британского музея (British Museum General Catalogue of Printed Books, vol. 210. London, 1963, стр. 898) «Theatrum Morum» помечен (в редакторских скобках) 1609 г., но действительно ли так датируется какая-то часть тиража (или даже переиздание) «Театра» или это ошибка составителей каталога, судить не берусь.